

Два дня спустя на горе Юнань.

— Что думаешь, третий брат, говорят ли эти солдаты и чиновника правду? — неуверенно, очевидно, сомневаясь в своих суждениях, спросил мужчина у рядом стоящего сурового на вид громилы.

Тот, кого назвали третьим братом, нахмурился и воздержался от лишних слов.

— Третий брат, — обратился к нему еще один бандит. — Эти чиновники отличаются от тех наглецов, что приходили к нам раньше. Они ни разу на нас не напали, их слова кажутся искренними. Не то что у собак генерала Вана.

— Верно, — кивнул первый. — Третий брат, может быть, императорский двор в самом деле прислал своих подданных ради мирного решения вопроса? Может быть, нам стоит сдаться?

Если то, что сказал вельможа правда, мы сможем начать все заново. Они простят нам все преступления и позволят сменить тьму на свет.

— Третий брат, — нахмурился один из бандитов. — Я не думаю, что это правда. Императорские псы очень хорошо болтают, но редко выполняют свои обещания. Мы не можем им доверять.

— И то правда, — тот, кто недавно понадеялся на освобождение от прошлых грехов, печально опустил голову. — Если бы в прошлом я был осторожнее, то никогда бы не попал в их ловушку. И моя семья была со мной.

Толпа постепенно разошлась по скромным домам, а трое главарей ушли с так называемой площади. Никто из них не заметил троих, ранее не входивших в группировку мужчин. Конечно же, то были замаскированные под простых жителей Ши Цинчжоу, Лун Сяюань и присланный генералом Ши Лю Ань.

Последний когда-то был человеком Цзянху и вел не самую честную жизнь. Он скитался по югу и попался на глаза Ши Циншаню после грандиозного разгрома. Генерал увидел в молодом человеке талант и завербовал в свою армию. С тех пор благодарный за спасение своей жизни Лю Ань следовал за генералом, помогая тому решать сомнительные вопросы.

— Лю Ань, — тихо позвал император. — Ты пойдешь в эту сторону. Слушай, что говорят люди, как они себя ведут и на что надеются. Нам нужно узнать, кто облюбовал гору.

— Да, — кивнул шпион и быстро скрылся в необходимом направлении, оставляя правителя и его императрицу одних на площади.

Императорская чета переглянулась и, не сговариваясь, пошла за лидерами крупной группировки. Туда, куда направился тот самый третий брат.

Прежде чем пробраться на гору, трое озаботились серьезным прикрытием. С помощью солдат выкрали троих, схожих с ними фигурами, бандитов. Как следует тех допросили, вывели имена, место жительства и даже забрали их одежду. А иначе маскировка не считалась бы полной и их могли быстро разоблачить.

Лун Сяюань и Ши Цинчжоу проследили за главарями до маленького, скромного, стоящего среди похожих друг на друга, домика. Обладающая кое-какими навыками императрица взяла на себя роль слушателя, в то время как правитель занял место караульного, высматривая проходящих по косой улице разбойников.

— Дагэ, — позвал тот, кого называли третьим братом. — На горе беспорядки. Что будем делать?

Старший не ответил, вместо него слово взял другой, обладающий выразительной хрипотцой второй главарь:

— Дагэ, я думаю, что императорские псы лгут.

— На этот раз гору осаждают крупная армия, — покачал головой третий, — с ними не только генерал, но и предавшие волю императора чиновники. Если мы не дадим им ответ в ближайшее время, они могут прислать еще больше людей и даже хребет не поможет нам укрыться от их мечей.

— Что ты имеешь в виду, третий брат? — недовольно фыркнул второй. — Неужели никто из вас не боится отказаться от своей клятвы?

— Ладно, не спорьте, — наконец-то взял слово главный, предупреждая очередную перепалку подчиненных.

— Но дагэ, разве ты не слышал? Третий брат в самом деле обдумывает капитуляцию! Неужели он забыл о клятве, что мы дали друг другу в самом начале? Никогда не сдаваться и идти до конца! Даже если нас убьют — мы умрем сражаясь!

— В то время под нашим началом была всего сотня человек, — покачал головой старший. — Все мы были связаны кровью и были готовы говорить как один. Но сейчас нас уже почти четыре тысячи человек, среди которых есть целые семьи с женщинами и маленькими детьми. Их ты тоже попросишь умереть за свою клятву и идеалы?

— Но... — задохнулся второй главарь.

Тот, кого назвали дагэ, предупреждающе поднял руку:

— На этом все. Мне нужно все обдумать, уходите.

— Но дагэ...

— Идем, второй брат, — подцепив мужчину под локоть, поднялся из-за стола третий главарь. — Пусть дагэ отдохнет.

Как только двое вышли из домика, второй брат выдернул руку из захвата третьего и, фыркнув, направился к себе:

— Я дойду сам.

Наблюдая за быстро удаляющейся спиной товарища, мужчина покачал головой и направился в другую сторону. Никто из них не заметил скрывшихся во тьме Сяюаня и Цинчжоу. Они услышали все, что должны были знать и направились к своему временному убежищу, в дом на окраине, среди таких же бедных халуп.

Люди решили обжить гору и успели построить на той немало аккуратных домов. Некоторые из них, по причине смерти владельцев, пустовали. Лун Сяюань поселился в одном из таких со своей императрицей. Судя по всему, раньше в этом доме проживала целая семья, так как комнат в нем было немало. Поэтому одну из них заняла императорская чета, а другую Лю Ань.

Ночуя под одной крышей, супруги, как водится, делили одну кровать. И накрываясь немного колючим, но теплым одеялом, обсуждали полученные за день сведения. Лун Сяююань по хозяйски обнял парня за талию:

— Судя по твоим словам, первый главарь и его третий брат мыслят разумнее второго. Они думают не только о себе, но и о людях на горе. Очевидно, не хотят ненужных смертей и кровопролития.

— Угу, — вторил его шепоту Цинчжоу, — многие жители горы готовы отбросить прошлую жизнь и вернуться к солнцу. Главное, чтобы они нам поверили.

— И не поспоришь, — задумался правитель. — Если большинство согласно сдаться, то нам нужно как-то убедить первого и третьего лидера.

— Но если мы поступим опрометчиво и потерпим неудачу, то окажемся в большой опасности, — невольно вздохнул парень.

— Богатства и почета добиваются риском, — после секунды раздумий, меланхолично отозвался Сяююань.

Но Ши Цинчжоу нахмурился. Если бы он оказался в опасности один, то еще мог попробовать прорваться с боем. Но ценность императорской жизни нельзя измерить золотом. Умрет он, умрут все его начинания, к власти может прийти не самый честный человек.

Напряженный лик молодого человека заставил правителя вздохнуть. Он и без слов понял настроения и чаяния императрицы, крепче прижимая ту к своей груди:

— Давай поступим следующим образом. Понаблюдаем за делами еще несколько дней и если не увидим прогресса, то пойдем на открытые переговоры. Но чтобы ты не волновался, перед этим я спущусь с горы.

Плечи молодого человека расслабились, а лицо украсила легкая улыбка:

— Хорошо, оставьте этот вопрос мне. Я не подведу Ваше Величество.

— Но ты должен быть осторожен, — целуя Цинчжоу в лоб, вкрадчиво прошептал Сяююань.

Два последующих дня шпионы наблюдали за хаотичной атмосферой среди бандитов. Большинство из них очень хотело очиститься от прошлых грехов, получить помилование и выйти с горы свободными людьми. Однако присутствовал сдерживающий фактор. Люди боялись обмана. Поэтому император принял решение перейти к открытым переговорам.

Были среди невинных и люди ушлые, успевшие по локоть окунуть руки в чужую кровь. Таких, конечно же, тоже приняли решение помиловать, но потом отловить и расправиться с каждым поодиночке. Главное, не привлекать к этому внимания тех, кто еще мог прожить достойную жизнь.

Под покровом ночи Лю Ань вывел Его Величество с горы окольными тропами. Сперва император хотел спуститься сам и оставить Цинчжоу хоть какую-то поддержку, но императрица отказалась, решив сделать все самостоятельно.

Лун Сяююань хоть и волновался, но не собирался усложнять ситуацию. Не хотел спускать уже проделанную работу в отхожее место, и был вынужден оставить императрицу на горе. Оставить

генеральского сына одного среди почти четырех тысяч бандитов...

Только вот осознание всего ужаса ситуации императора посетило не сразу. Мужчина отказался спускаться в лагерь и как самый верный и заботливый супруг дожидался Цинчжоу у начала спуска.

В ожидании время неожиданно растягивается, а разные мысли нагнетают атмосферу. В бессилии сжимая кулаки, император не отводил взгляда от хребта. Только в это мгновение, под покровом безлунной ночи, он осознал, что сейчас ничем не может помочь Цинчжоу. Не может о том позаботиться, не может того защитить.

Душу сковали неприятные чувства. Такие, от которых хочется влезть на стену или о ту убиться.

Лун Сяюань в самом деле заботился о своей императрице. И не потому, что генеральский сын должен был забрать у него трон и жизнь. Точнее, так было вначале, но со временем все начало менять. Сяюань начал заботиться о Цинчжоу, как о супруге. Как о близком, небезразличном человеке.

Не ради выгоды, не ради собственной жизни, не из-за сюжета треклятой книги, которую прочел перед смертью. Ши Цинчжоу по-настоящему ему понравился. И только этой ночью император понял значение своего томления. Он понял, что на самом деле значить для него императрица.

<http://bllate.org/book/14215/1253475>